

ГЛАВА I

ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Еще Аристотель сказал, что наука есть познание причин. Главные причины, обуславливающие исторические события, называют движущими силами истории или факторами исторического процесса. Хотя различные исследователи упоминают значительное число факторов, реальный механизм действия прослежен лишь для немногих движущих сил истории. К их числу принадлежат демографический и технологический факторы (последний из них определяет также развитие экономики), а также географический фактор и фактор внешних влияний, включающий в себя войны¹.

Относительно недавние успехи исторической социологии и, в частности, создание демографически-структурной теории Джека Голдстоуна и исследования Уильяма Мак-Нила позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать действие перечисленных факторов. Таким образом, возникает возможность проследить, как именно проявлялось их действие в российской истории и объяснить многие исторические процессы и события. Наша конечная цель — выяснить, достаточно ли этих факторов для объяснения основных моментов развития России, и ответить на вопрос: *можем ли мы на сегодняшнем уровне знаний объяснить российскую историю?*

Чтобы набросать план ответа на этот вопрос, необходимо дать краткий обзор новых теорий, о которых говорилось выше².

1.1. РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ

Изучению роли демографического фактора в историческом процессе посвящена обширная литература, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими тезисами³. Начало исследования проблемы влияния роста населения на жизнь общества связано с именем основателя де-

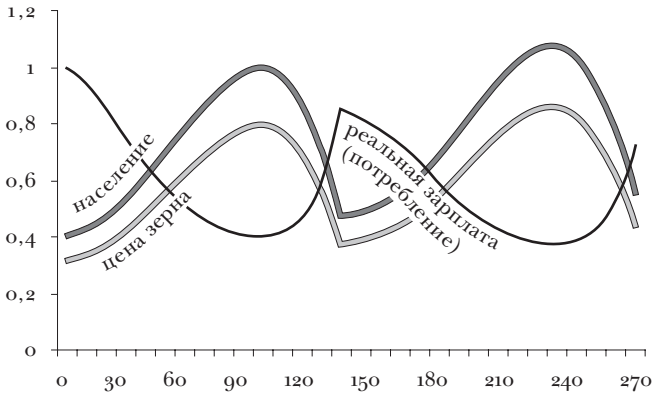

рис. 1.1. Демографические циклы по теории Мальтуса–Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис, и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется.

мографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*»⁴. Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается — но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁵.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Д. Рикардо, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁶. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях чис-

ленности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII—начале XIV века, сменившийся затем падением цен в XV веке и новым ростом в XVI—начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения⁷. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Постана, Б. Сливера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов⁸. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню⁹. В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV—XVIII веках»¹⁰.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, — писал Фернан Бродель, — это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет — но не до конца! — вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...* Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается — а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод — последний предшествует первым и сопутствует им — восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием....

Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду — с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»¹¹.

В 70–80-е годы XX века учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («*carrying capacity*»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием *технологического фактора*. Это влияние особенно сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, в капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира¹².

В 1976 году известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание¹³. Эта

теория, в частности, стала составной частью концепции мир-систем Иммануила Валлерстайна¹⁴.

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна¹⁵. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру — «народ», «государство» и «элита», — анализируя взаимодействие ее элементов в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и капиталов, то есть оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания¹⁶.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдаун») государства¹⁷.

Нужно отметить, что Дж. Голдстоун первоначально считал, что вековые циклы имеют экзогенный характер, и как рост, так и уменьшение численности населения объясняются благоприятными или неблагоприятными эпидемиологическими и климатическими изменениями¹⁸. Поэтому, в частности, Дж. Голдстоун формально не называл себя мальтузианцем, полагая, что созданная им теория имеет новое качество¹⁹. Однако, в работах автора и американского историка и эколога Питера Турчина было показано, что если отказаться от этого (опровергаемого историческими материалами) положения, то демографически-структурная теория оказывается вполне совместимой с неомальтузианством и, более того, фактически представляет собой весьма перспективное в теоретическом плане расширение неомальтузианской теории²⁰.

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым *трансформациям структуры* «государство — элита — народ». Трансформация структуры — это качественное измене-

ние элементов, ее составляющих, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы — мы будем называть их структурно-демографическими или просто структурными²¹. В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории — но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же, как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических факторов в механизме демографического цикла. Это те «точки входа», через которые демографически-структурная теория сопрягается с теориями, описывающими влияние других, рассматриваемых ниже факторов.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследования Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна²² можно привести следующее описание фаз демографического цикла²³.

Для *фазы роста* (или *фазы восстановления* после предшествующего кризиса) характерны такие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода — низкие цены на хлеб; тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий уровень потребления, но при этом — тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты; тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для *фазы Сжатия* характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распростране-

ние аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; сезонный отход крестьян на заработки, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; фрагментация элиты; борьба за статусные позиции в среде элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством; попытки оппозиционных государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», — писал П. Шоню²⁴.

Для *фазы экосоциального кризиса* характерны: голод, принимающий широкие масштабы; широкомасштабные эпидемии; в конечном итоге — гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широкомасштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун — разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесла; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию — автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Идея о том, что перенаселение порождает революцию и диктатуру, была одним из основных выводов Т. Мальтуса. «Мятежная толпа есть следствие излишка населения, — писал Мальтус, — Она возбужда-

ется испытываемыми страданиями, не зная того, что сама является виновницей этих страданий. Эта безумная мятежная толпа есть злейший враг свободы; *она порождает и поддерживает тиранию*»²⁵.

Перечисленные выше явления характерны для соответствующей фазы демографического цикла в том смысле, что из теории вытекает, что они с высокой степенью вероятности должны наблюдаться в этой фазе. Поэтому при анализе истории конкретной страны необходимо проверить, наблюдаются ли в соответствующий период указанные явления. Если они наблюдаются, то появляется возможность объяснить их, исходя из демографически-структурной теории.

Первым исследователем, указавшим на перспективность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории был известный американский русист Честер Даннинг. Изучая причины российского кризиса начала XVII века, Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг сделал вывод о том, что, «как кажется, модель Голдстоуна применима для России»²⁶.

В монографии «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» автором был проведен соответствующий анализ для двух циклов российской истории (первый из них закончился «Великой Смутой», а второй — революциями 1905–1917 годов). При этом было показано, что практически все описанные выше характерные признаки различных фаз демографического цикла реально фиксируются историческими источниками²⁷.

Последние исследования в области демографически-структурной теории связаны с работами международной «клиодинамической группы» в составе П. Турчина, Т. Холла, А. В. Коротаева, Л. Гринина, С. В. Циреля, Д. А. Халтуриной и некоторых других историков (в том числе и автора этих строк). В частности, непосредственным продолжением исследований Дж. Голдстоуна стали изданная в Принстоне монография П. Турчина и С. А. Нефедова²⁸, монография А. В. Коротаева, А. С. Малкова и Д. А. Халтуриной²⁹ и упомянутая книга С. А. Нефедова. В статье, опубликованном недавно в авторитетном журнале «Nature», П. Турчин, ссылаясь на результаты работы этой группы, заявил, что отныне можно говорить об обнаружении реальных, математически доказанных закономерностей исторического процесса³⁰.

В работах «клиодинамической группы» изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-ма-

тематических моделей³¹. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла кратковременных климатических колебаний, неурожаяев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям³². Д. Григг отмечает, что неурожай и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием — то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения³³.

1.2. РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ТЕОРИЯ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

При позитивном восприятии теории Дж. Голдстоуна в целом, некоторые историки указывали на необходимость учета, кроме демографической динамики, и других важных факторов. В частности, Ч. Даннинг, обсуждая вопрос о перспективности применения демографически-структурной теории, указывает на важное влияние еще одного фактора — фактора военно-технических (и просто технических) инноваций³⁴.

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего, речь идет о роли технологических революций и великих, *фундаментальных*, открытий. Фундаментальные открытия — это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии, это открытия, *расширяющие экологическую нишу* народа или государства и способствующие росту потребления и увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фун-

даментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях, например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой стороны, они могут вызывать трансформации структуры «государство – элита – народ» и вызывать масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные «аграрной» («неолитической») революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и «промышленной» революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают в основном с военно-техническими достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев³⁵. Аналогичным образом Линн Уайт объясняет становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей³⁶.

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И. М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии³⁷. Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола³⁸. Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом³⁹ теория «военной революции». Эта теория до сих пор мало известна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы⁴⁰.

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал М. Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветв-

ленным последствием. Появление конных воинов (точнее, колесничих — *С. Н.*) ... в середине II тыс. до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни — все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества»⁴¹.

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций — революцию середины XVII века. Эта революция была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611–1632), осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья — и преступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и, в конце концов, в 1629 году была создана легкая «полковая пушка», «*regementsstucke*»⁴². «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты — и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. «Это была фундаментальная инновация», — писал М. Робертс⁴³.

«Полковая пушка» стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание полковой пушки и одновременное появление облегченных мушкетеров вызвали революцию в военной тактике и стратегии⁴⁴.

После изобретения «*regementsstucke*» в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие — но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 году доход королевства составлял 1,6 млн. рейхсталеров; на эти деньги можно было содержать не более 15 тысяч наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института — всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности, в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет⁴⁵. В 1626–1630 годах Густав Адольф призвал в войска 50 тысяч рекрутов; таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат и радикальной налоговой реформы, *резкого перераспределения ресурсов в пользу государства*. Введение новых налогов вызвало сопротивление шведских сословий, но в 1624 году Густаву Адольфу удалось преодолеть это сопротивление и добиться вотирования основного налога (*landtagsgard*) на неопределенное

время — таким образом, этот налог стал практически постоянным и его сбор не зависел от согласия риксдага⁴⁶. Решение финансовой проблемы позволило Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами⁴⁷. Создание регулярной армии породило *волну шведских завоеваний*. В 1630 году шведские войска высадилась в Германии, а год спустя, в битве при Брейтенфельде, шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. К середине XVII века шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии и Польши — и даже Украины.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций, прежде всего, в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией, — в германских княжествах, в империи Габсбургов, в Дании, в России. В одной из работ автора показан механизм распространения на Россию шведской военной революции и последовательность заимствования шведских инноваций⁴⁸. Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете ждала гибель. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «*военно-бюрократическим абсолютизмом*»⁴⁹. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение⁵⁰.

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «*кризисом XVII века*»⁵¹.

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила *трансформация структуры* — государство превращалось в аб-

солютную монархию, оно усиливалось включением нового компонента, регулярной армии, прежнее элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб народу, что часто приводило к *структурным кризисам*. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов — теперь мы видим, что, по крайней мере, часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории.

Во второй половине XX века теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс, военная революция XVII века была лишь одной из многих военных революций, и в принципе созданная им теория может распространяться и на другие периоды истории. В контексте этого расширенного применения для нас важно прежде всего то обстоятельство, что теория М. Робертса показывает, что создание постоянной профессиональной армии, находящейся на государственном содержании, влечет за собой трансформацию структуры, масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и установление самодержавия.

1.3. РОЛЬ ФАКТОРА ВНЕШНИХ ВЛИЯНИЙ. ДИФФУЗИОНИЗМ

Как отмечалось выше, внешние влияния могут быть многообразными: это, прежде всего, войны, торговля и культурное влияние, связанное с диффузией инноваций. Войны могут быть обусловлены перенаселением и недостатком ресурсов, так что внешние влияния оказываются отчасти производными от демографического фактора. С другой стороны, как военное превосходство, так и распространение культурных инноваций связано с влиянием технологического фактора.

Процесс заимствования и распространения инноваций традиционно изучается в рамках концепции, именуемой *диффузионизмом*. Изучение диффузии культурных инноваций на основе анализа археологических артефактов — это традиционный «культурно-истори-

ческий» подход, распространенный метод работы археологов. «Мы находим некоторые категории остатков — пишет Гордон Чайлд, — керамику, орудия труда, украшения, виды погребального обряда, формы жилищ, — постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс связанных признаков мы назовем „культурной группой“ или просто «культурой». Мы убеждены, что этот комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня назвали бы «народом»⁵². „Далее, — продолжает известный российский археолог Л. Н. Корякова, — как правило, следует анализ изменений в терминах миграции. Одним из вопросов является вопрос о происхождении нового типа и связанной с ним группы населения. Тщательное изучение керамики на прилегающих территориях может гипотетически определить место ее происхождения и даже направление миграции. В противном случае, если эти аргументы покажутся неподходящими, можно поискать параллели специфическим чертам культурных сочетаний в других местах. Если культурный комплекс не привязывается к какому-либо внешнему источнику, могут быть найдены некоторые связи... с какой-либо другой культурой. Если такие параллели находятся, археолог приведет доводы в пользу диффузии“⁵³.

Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой «теории культурных кругов» — историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х годах прошедшего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра⁵⁴. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате *фундаментальных открытий* в технике и технологии. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру, таким образом формируется *культурный круг* — область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, чтобы устоять перед натиском завоевателей, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать их оружие. В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д. Перед *волной завоеваний* движется *волна диффузии*; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу. В странах, присоединив-

шихся к новому культурному кругу, протекает сложный процесс *культурного и социального синтеза*, взаимодействия привнесенных извне культурных элементов с традиционными порядками, этот процесс иногда прерывается периодами *традиционалистской реакции*.

Таким образом, фактор внешних влияний в диффузионистской теории является *производным от технологического фактора*, по существу, эта теория описывает механизм влияния фундаментальных открытий на жизнь человеческого общества.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее данный культурный круг будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации об открытии не оставляет времени для его независимого повторения. В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с *демографическими катастрофами*; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и *социальный синтез* происходит в фазе роста нового цикла.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как *история адаптации к набегам с разных сторон культурным кругам*, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно то обстоятельство, что трансформация общества под воздействием диффузионной волны представляет собой трансформацию структуры «государство—элита—народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через внешние диффузионные влияния.

Созданная почти столетие назад теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, и она

до сих пор эффективно применяется как в археологии и этнографии, так и в исторической науке⁵⁵. В настоящее время регулярно проводятся конференции, посвященные анализу процесса диффузии — прежде всего в области вооружения — на обширных пространствах Евразии⁵⁶. Идеи, близкие концепции диффузионизма, находят свое отражение в курсах истории России; в качестве примера можно назвать учебное пособие В. Э. Лебедева⁵⁷.

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада»⁵⁸. Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: об изобретении боевой колесницы в середине II тыс. до н. э., о появлении стремян в IV в. н. э. и т. д., и описывает вызванные этими военными революциями последствия, в частности, распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У. Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере социальной и политической. В более поздней монографии, «В погоне за мощью»⁵⁹, У. Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая «военную революцию» XVI–XVII веков и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков «военной революции». Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У. Мак-Нила включает в себя теорию «военной революции». Более того, при рассмотрении социально-экономических кризисов XVII и конца XVIII веков У. Мак-Нил использует элементы неомальтузианского подхода и ссылается на Ф. Броделя⁶⁰. Хотя этому сюжету в книге У. Мак-Нила посвящено лишь несколько страниц, он имеет принципиальное значение, так как содержит *идею анализа исторического процесса как результата взаимодействия демографического и технического факторов — и соответственно, идею теоретического синтеза неомальтузианства и диффузионизма.*

1.4. ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Для периода Нового времени трансформация структуры, определяемая технологическим (диффузионным) фактором, в широком плане рассматриваются в рамках *теории модернизации* (современное описание различных вариантов этой теории имеется в работах В. В. Алексеева и И. В. Побережникова⁶¹). По определению одного из создателей

теории модернизации С. Блэка, модернизация — это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией, которая сделала возможным контроль за средой обитания⁶². С. Блэк выделяет несколько последовательных стадий модернизации; первая из них — это «вызов модернизации» в XVI–XVIII веках. Это был первый этап европейской научно-технической революции, которая привела к развитию мануфактур и торговли и вызвала к жизни «просвещенный абсолютизм» с его централизацией и бюрократизацией⁶³. С. Блэк не разъясняет механизм возникновения абсолютизма, но очевидно, что среди технических достижений XVI–XVII веков особое место занимали военно-технические достижения, описываемые теорией «военной революции», и в этой своей части теория модернизации воспроизводит выводы теории «военной революции». Как отмечает Г. Паркер, «в значительной мере подъем Запада... был обусловлен как раз теми изменениями в ведении войны, которые позднее будут обозначены как „военная революция“»⁶⁴.

Страны, находившиеся на периферии Европы, практически сразу же стали перенимать достижения Запада. «Начиная с конца XV века в России и несколько позже в Турции, — писал С. Блэк, — была принята система политического использования западной техники и специалистов, чтобы модернизировать войско и бюрократию, строить укрепления и общественные здания, создавать фабрики и осваивать природные ресурсы. Эта политика приняла наиболее активную форму в России при Петре Великом...»⁶⁵ Таким образом, С. Блэк подчеркивает роль процесса диффузии в распространении западноевропейских инноваций: «Модернизация — не единственное слово, которое описывает этот процесс, слова «европеизация» и «вестернизация» используются в том же смысле»⁶⁶. Для периферийных стран Восточной Европы и Азии процесс модернизации часто прямо отождествляется с диффузионным процессом вестернизации, так, например, А. Н. Медушевский и А. Б. Каменский указывают, что *модернизация приняла в России форму европеизации или вестернизации* — преобразования общества по западному образцу⁶⁷. Важно отметить, однако, что модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций; в процессе этого перенимания происходил *синтез привнесенных и традиционных элементов*. Чрезвычайно важное значение для понимания механизмов диффузионных процессов в России XVIII–XIX веков имеют появившиеся в последнее время работы Е. В. Алексеевой⁶⁸. Ряд аспектов российской модернизации в контексте теории диффузионизма рассматривался также в работах автора⁶⁹.

В конце XVIII века европейская модернизация вступила в новый этап; С. Блэк называет его «стадией консолидации модернизаторского руководства». Это было время промышленной революции. «Триста лет назад... — писал Элвин Тоффлер, — произошел взрыв, ударная волна которого обошла всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространявшаяся по миру... пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов»⁷⁰.

Промышленная революция была вместе с тем и военной революцией, она дала в руки европейцев новое оружие, и военная экспансия Запада вызвала резкое усиление процесса вестернизации. Волна завоеваний, исходившая из Европы, привела к созданию обширных колониальных империй и диффузии европейских стандартов в те общества, которые остались независимыми.

Для темы нашего исследования важно то обстоятельство, что модернизация общества на этапе «консолидации модернизаторского руководства» представляет собой трансформацию структуры «государство – элита – народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через теорию модернизации.

Важно отметить, что в «стадии трансформации» развитие транспорта, торговли и сельскохозяйственных технологий позволило индустриальным странам Запада резко увеличить «средства существования» для своих народов и снять мальтузианские ограничения. Резкое расширение экологической ниши индустриального общества привело к нарушению характерного для традиционного общества чередования демографических циклов. Однако в России влияние агротехнической модернизации стало сказываться на увеличении урожайности лишь с 1950-х годов и было относительно ограниченным. Более существенно было то, что модернизация в демографической сфере привела к изменению типа воспроизводства населения, к снижению рождаемости и к уменьшению естественного прироста. Эти демографические перемены приводят некоторых исследователей к выводу о том, что применение концепции демографических циклов при анализе развития России во второй половине XX века требует существенной корректировки.

В работах Теодора фон Лауэ, одного из наиболее известных историков XX века, была подробно разработана «теория вестернизации»⁷¹. В целом эту теорию можно считать частью более общей тео-

рии модернизации и в то же время элементом диффузионистской концепции. Согласно теории фон Лауэ, процесс вестернизации был главным содержанием мировой истории XIX–XX веков; он был обусловлен военным, техническим и культурным превосходством Европы — результатом промышленной революции, которая началась в Англии в конце XVIII столетия. Государства, оставшиеся независимыми, были вынуждены перед лицом военного и экономического давления спешно перенимать вооружение, технику, промышленную и социальную организацию, материальную, а затем и духовную культуру Запада⁷². Вестернизация наносила сокрушительные удары по традиционной культуре и традиционным общественным отношениям. «...Господство Запада делается явным не только в прямолинейной форме превосходящих машин или экономического вторжения, — писал фон Лауэ, — но в более коварной форме всеобщей модели. Эта форма давления, наименее заметная среди инструментов империалистов, была все же наиболее мощной и действовала как постоянная тихая подрывная деятельность. Она разрушала престиж традиционной власти и подрывала преданность людей к их традициям и к их правительству. Никогда во всей истории не существовало такой обширной подрывной силы, как сила Запада... Почти все, что делал белый человек, вплоть до его прихотей, вызывало подражание, иногда просто потому, что это было необычным. Некоторые важнейшие понятия, подобно демократии и свободе, носили такой ореол престижа, что и сегодня они служат как ключевые лозунги — и даже в тех странах, которые извратили их значение в противоположное... То же самое излияние западных норм, которое подорвало различные неевропейские цивилизации, ниспровергало также традиции и нравы имперской России. Тихая революция извне разрушала традиционную власть царской России намного раньше того, когда она физически разрушилась»⁷³.

Модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций; она часто наталкивалась на *традиционалистскую (фундаменталистскую) реакцию* и периоды усвоения нововведений прерывались периодами частичного возврата к прежним традициям. В дальнейшем происходил *процесс синтеза привнесенных и традиционных элементов*. «Во многих обществах, — писал Д. Рюшемейер, — модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры... Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модер-

низированных структур»⁷⁴. Более того, такое частично модернизированное общество может существовать в течение поколений и развиваться по своей, определенной толчком частичной модернизации траектории, отличной от траектории развития Запада. При этом — если это общество достаточно сильно для проведения изоляционистской политики — оно может некоторое время отторгать дальнейшие диффузионные импульсы, идущие с Запада. Таким образом, модернизация в периферийных странах распадается на два процесса — эндогенное развитие как следствие частичной модернизации и экзогенное развитие под действием постоянной диффузии, которая, однако, может частично блокироваться.

Родиной промышленной революции была Англия, и именно Англия стала исходной моделью, которой подражали страны, вступившие на путь вестернизации. Характерными чертами английского общества были неприкосновенность частной собственности, свобода частного предпринимательства, свобода личности, экономический индивидуализм и парламентаризм; Адам Смит и другие экономисты того времени доказывали, что именно эти характерные черты (ставшие принципами либерализма) способствовали началу промышленной революции и бурному процессу английской индустриализации. Однако, как отмечает У.Мак-Нил, во второй половине XIX века, появилась другая, германская, модель индустриализации, основанная на активном государственном регулировании экономических и социальных отношений⁷⁵. Появление этой модели было результатом культурного и социального синтеза привнесенных из Англии новых элементов с традиционным прусским этатизмом, и поскольку Германия стала самым могущественным государством Европы, германская модель, в свою очередь, стала образцом для вестернизации периферийных государств. Таким образом, в конце XIX века существовали две конкурировавшие между собой модели вестернизации, английская и германская, и процесс модернизации стал более сложным⁷⁶. Это обстоятельство весьма существенно для анализа модернизации в России и в странах Восточной Европы.

Мы не ставим перед собой цель подробно изложить теорию модернизации, ее изложению и анализу развития России с позиций модернизации посвящена многочисленная литература⁷⁷. Как отмечалось выше, в данном случае речь идет о том, чтобы объяснить трансформации структуры, происходящие под действием технологического фактора. Влияние этого фактора описывается, в частности, концепцией диффузионизма, теорией «военной революции, и теорией модернизации. Эти теории связаны между собой и содержат

общие элементы, но при этом освещают течение исторического процесса с разных сторон, взаимно дополняя друг друга.

1.5. Трехфакторная модель исторического процесса

Суммируя изложенное выше, мы можем констатировать, что современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет описать механизм совместного действия трех факторов, *демографического, технологического и географического*. При этом воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий⁷⁸. Географический фактор является *формообразующим*, он участвует в формировании обществ земледельцев и кочевников, а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются после завоевания земледельческих обществ кочевниками.

Демографический фактор является динамическим, и, как было показано выше, его действие описывается демографически-структурной теорией. Этот фактор предопределяет развитие земледельческих обществ в ритме демографических циклов: первоначально, когда численность населения мала и свободных земель много, уровень потребления достаточно высокий и население быстро растет, затем рост населения приводит к нехватке земель и снижению уровня потребления, наступает время крестьянского малоземелья, многие крестьяне пытаются заработать на жизнь ремеслом и уходят в города, города растут, но одновременно растет число безработных и нищих, все чаще приходят голодные годы и начинаются восстания голодающих, которые поддерживает часть беднеющей знати. В конце концов случайные воздействия, неурожай и войны, приводят к голоду и эпидемиям, а восстания перерастают в гражданскую войну. В ходе этих социальных конфликтов к власти приходит этактистская монархия, пытающаяся накормить голодных, но в конечном счете войны и голод приводят к демографической катастрофе. Численность населения уменьшается, проблема малоземелья и голода уходит в прошлое, и через некоторое время начинается рост населения в новом демографическом цикле.

Технологический фактор также является динамическим, его действие описывается тремя дополняющими друг друга теориями, теорией диффузионизма, теорией военной революции и теорией модернизации. Действие технологического (или *диффузионного*) фактора предопределяет другую последовательность событий: фундаменталь-

ное открытие, совершенное неким народом (чаще всего создание нового оружия) вызывает волну завоеваний. Одновременно те общества, которые избежали завоевания, под угрозой нашествия перенимают оружие и обычаи завоевателей, и таким образом формируется культурный круг — область распространения данной фундаментальной инновации и культуры народа-завоевателя. В государствах, вошедших в новый культурный круг, происходит процесс культурного и социального синтеза привнесенных инноваций и местных традиций; этот синтез иногда прерывается традиционалистской реакцией — периодами частичного отторжения инноваций.

Таким образом, действие каждого фактора предсказывает определенную „элементарную последовательность“ событий и задача факторного анализа состоит в том, чтобы представить исторический процесс в виде суммы, суперпозиции «элементарных последовательностей», подобно тому, как в регрессионном анализе пытаются приблизить последовательность наблюдаемых экспериментальных данных суммой последовательностей-факторов, а затем оценить «остаточную дисперсию» — долю тех событий, которые нельзя объяснить этим методом.

Первые, хотя еще недостаточно формализованные, попытки применения факторного метода мы видим у У. Мак-Нила. В известной работе «В погоне за мощью»⁷⁹ У Мак-Нил описывает историю Европы после XV века как суперпозицию событий, индуцированных действием демографического и технологического факторов. Эта методология позднее была использована автором в монографии «Факторный анализ исторического процесса. История Востока»⁸⁰ и в ряде работ, посвященных анализу отдельных периодов истории России⁸¹.

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества. В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями. За этими завоеваниями следуют демографические катастрофы, социальный синтез и трансформация структуры, в ходе которой рождается новое общество и новое государство. Характеристики новой структуры «государство — элита — народ» зависят от тех исходных компонентов, которые участвуют в социальном синтезе, от того, какими были общество завоеванных и общество завоевателей. В истории России был период, когда в роли завоевателей оказались кочевники, монголо-татары. Земледельцы и кочевники представляли собой два разных хозяйственных типа, их обычаи и социальные отношения определя-

лись, прежде всего, различными условиями природной среды, географическим фактором. Поэтому для того, чтобы понять механизм социального синтеза, необходимо кратко проанализировать, каким образом *географический фактор* (вместе с другими факторами) формировал общество земледельцев и общество кочевников.

1.6. ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Доместикация растений явилась великим достижением человечества, намного расширившим его экологическую нишу, — по определению Гордона Чайлда, это была «неолитическая революция»⁸². Неолитическая революция началась в X тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке, в регионе, где распространены дикорастущие пшеница и ячмень и первобытные общины издавна занимались собирательством съедобных злаков. В контексте диффузионистской теории доместикация растений рассматривается как *фундаментальное открытие*, кардинальным образом изменившее жизнь людей. Прежде всего, она имела огромные демографические последствия. По некоторым оценкам, в эпоху мезолита средняя плотность населения равнялась 0,04 чел./км², а в эпоху раннего земледелия она увеличилась до 1 чел./км² — это означает, что лишь на первом этапе «неолитической революции» емкость экологической ниши увеличилась в десятки раз. В отдельных областях наблюдался еще более значительный рост плотности населения: в юго-западном Иране с 0,1 до 2 чел./км², в Восточном Средиземноморье с 0,1 до 1,5–10 чел./км²⁸³.

Оценки археологов подтверждаются данными этнографии: в то время как у охотников и собирателей плотность населения редко превышает 0,2 чел./км², плотность населения в областях распространения переложного земледелия в Африке, Азии и Америке составляет в среднем около 9 чел./км².

Образ жизни различных племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, был весьма схожим. Так же, как охотники, ранние земледельцы жили родовыми общинами, состоявшими из родственных семей. Мужчины все вместе расчищали участки земли, причем, поскольку земля быстро истощалась, то процесс расчистки новых участков был практически постоянным; старые участки забрасывались, и община переходила на новые поля — эта система раннего земледелия называется подсечно-огневой или переложной. Если община состояла из многих семей, то расчищенные участки делили на семейные наделы, и урожай считался собственностью семьи,

но определенная его часть поступала в распоряжение рода. Важнейшие дела общины решались на сходках мужчин; вожди, как правило, пользовались лишь слабой властью и не имели привилегий. Такого рода общественные отношения имели место у индейцев Амазонии, папуасов Новой Гвинеи, даяков Калимантана, таи и сенои Суматры, ирокезов Северной Америки и многих других архаических племен⁸⁴. Как мы увидим далее, подобные порядки были распространены и у практиковавших подсечное земледелие восточных славян.

Как отмечают исследователи, ранние земледельцы сохранили свойственный охотникам общинный коллективизм и относительно равномерное распределение пищи⁸⁵. Это было связано, прежде всего, с необходимостью объединения усилий всей общины для расчистки новых участков земли — при отсутствии железных орудий труда одиночка был не в состоянии справиться с этой тяжелой работой⁸⁶.

Считается, что от начала неолитической революции до появления первых государств прошло около пяти тысяч лет. За этот период плотность населения на Ближнем Востоке возросла с 0,05–0,07 до 10 чел./км², то есть в 150–200 раз⁸⁷. Постепенно в некоторых общинах стала ощущаться нехватка земли, вызвавшая переход от раннего земледелия к развитому, при котором хозяйство велось на постоянных участках, а плодородие почв поддерживалось с помощью ирригации, паров и удобрений. Другим следствием нехватки земли стало расселение земледельцев на восток, в Иран и Среднюю Азию, и на запад, в Европу⁸⁸.

Среди историков весьма популярна биологическая модель распространения земледельческой культуры, созданная генетиком Р.А. Фишером и его последователями, А. Дж. Аммерманом и Л. Л. Кавалли-Сфорца⁸⁹. Согласно этой модели, распространение земледелия рассматривается как диффузионный процесс, обусловленный увеличением численности земледельцев, что приводило к их миграции из первоначального региона обитания — то есть распространялась не идея земледелия, а сами земледельцы. Этот волновой процесс был проанализирован на основе математической модели, которая показала, что скорость миграционного продвижения в Европе составляла около одного километра в год⁹⁰.

Таким образом, в соответствии с теорией, фундаментальное открытие, освоение земледелия, породило *миграционную волну*. Один из путей распространения этой волны вел с Ближнего Востока на Балканы. В VII тыс. до н. э. выходцы из Малой Азии принесли с собой на юг Балканского полуострова навыки земледельческого хозяйства, культурные растения (пшеницу, ячмень, чечевицу), домашних живот-

ных (овец, коз), ближневосточную культуру и язык, близкий языку малоазиатских хаттов и хурритов. Эти люди принадлежали к восточно-средиземноморскому антропологическому типу, который характеризуется грациозностью (тонкокостью), невысоким ростом, темной пигментацией, скошенным лбом и крупным носом. В конце VI тысячелетия до н. э. земледельцы продвинулись в Северное Причерноморье до Днепра и основали здесь поселения трипольской культуры. Анализ хозяйства, домостроительства, материальной и духовной культуры, орнаментики, скульптуры, ритуалов и верований трипольской культуры демонстрирует выразительные малоазиатские параллели. О южно-анатолийских корнях Триполья свидетельствует набор одомашненных растений и животных, типология керамики, поклонение «Великой Богине», священному быку и небесному змею, ритуальные захоронения детей и бычьих голов под полом жилищ. Некоторые элементы традиционной культуры, имеющие ближневосточное происхождение, попали в позднейший славянский этнокультурный комплекс как наследие трипольцев. К ним, в частности, относятся древние реликты культов священного быка и небесного змея в украинском и русском фольклоре. Эти же истоки имеет архаическая лексика ближневосточного происхождения в индоевропейских языках — явление, о котором еще будет идти речь в дальнейшем⁹¹.

Продвигавшиеся на необжитые равнины колонисты-земледельцы были с избытком обеспечены землей, хлебом и мясом и не чувствовали необходимости добывать себе пропитание, осваивая ремесла. Каждая семья, как могла, обеспечивала себя домотканной одеждой и лепила грубые глиняные горшки, обжигая их потом на костре. Между тем на Ближнем Востоке ситуация постепенно менялась: все окружающие земли уже были заняты земледельцами и крестьянская эмиграция стала невозможной. Началась фаза перенаселения и Сжатия. В соответствии с демографически-структурной теорией перенаселение вызвало развитие ремесел. Нехватка земли привела к появлению в общинах «лишних людей», которые пытались прокормиться с помощью гончарства или ткачества. Появление профессиональных ремесленников и постоянная ремесленная практика привели к совершенствованию орудий труда. В IV тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке появился ручной гончарный круг и печи для обжига посуды, а немного позже — ножной гончарный круг⁹². Были созданы также ткацкие станки — сначала вертикальный, а затем, во II тысячелетии до н. э. — горизонтальный ткацкий станок. Эти изобретения не были фундаментальными открытиями в том смысле, что они не давали освоившим их народам решающего преимущества перед другими этносами — но они тоже

распространялись диффузионным путем, отмечая границы влияния ближневосточной цивилизации. В IV тысячелетии до н. э. примитивный гончарный круг и гончарные печи стали известны на Балканах и в трипольской культуре Северного Причерноморья⁹³.

Еще одной областью профессионального ремесла стала металлургия меди и бронзы. Медные изделия научились отливать еще в V тысячелетии до н. э., но применение медных орудий (или оружия) сдерживалось как редкостью этого металла, так и тем, что медь значительно уступала в твердости камню. В IV тысячелетии до н. э. ближневосточные мастера научились получать твердые сплавы меди и мышьяка или меди и олова — это были две разновидности бронзы. Бронза была дороже, чем медь, но из нее можно было делать инструменты для обработки камня и дерева. Бронзовый инструмент, в частности, использовался при изготовлении появившихся в то время колесных повозок.

Сжатие и порожденное им имущественное расслоение стимулировало развитие также и некоторых специфических ремесел, прежде всего производства предметов роскоши. Распространилось ювелирное ремесло, производство дорогих тканей, украшений и роскошной посуды. К предметам роскоши первоначально относились и появившиеся во II тысячелетии до н. э. изделия из стекла — прежде всего, разноцветные бусы и браслеты. Сама по себе сложная техника производства предметов роскоши мало что давала людям — но исследователи археологических культур часто судят о степени их развития по технике изготовления предметов роскоши. Развитие этой техники свидетельствует об общем уровне ремесел, о степени имущественной дифференциации, об уровне перенаселения и Сжатия. Так, например, в очаге ближневосточного Сжатия, в Двуречье, в III тыс. до н. э. предметы роскоши составляли 94% всех сохранившихся от того времени металлических изделий, а на Иранском нагорье, где перенаселение еще не ощущалось, — только 34%; основная часть металла в Иране шла на изготовление оружия и необходимых орудий труда⁹⁴.

Еще одним следствием ближневосточного Сжатия были военные столкновения между общинами за землю. Согласно обладающей большим авторитетом теории Р. Карнейро, в результате завоевания одной общины другой росла социальная стратификация, а также появлялась необходимость в классе управляющих, собирающих дань (или налоги) с покоренного населения — таким образом возникали первые государства⁹⁵. Усложнение общественного устройства, в свою очередь, потребовало создания новых способов коммуникации. В конце IV тысячелетия до н. э. для передачи слов и понятий стали использовать иероглифы, которые, постепенно упрощаясь, пре-

вратились к середине III тысячелетия в клинописные знаки. Значки клинописи были мало похожи на передаваемые понятия. Вскоре они превратились в условные символы. На рубеже II–I тысячелетий до н. э. один из семитских народов, финикийцы, усовершенствовал клинопись и создал алфавит из 22 букв. Далее начался процесс диффузионного распространения письменности. От финикийского алфавита произошли арамейский и греческий, от арамейского – персидский, арабский и индийский, от греческого – латинский и – уже в VIII веке н. э. – славянский. Как и распространение ремесел, процесс распространения письменности был достаточно медленным; это было связано с тем, что письменность и ремесла предполагают достаточно высокую плотность населения и обстановку Сжатия.

Дальнейшее увеличение плотности населения в конечном счете вело к появлению первых государств. Благодаря большой работе, проделанной группой американских исследователей во главе с Дж. Мердоком, в настоящее время существует база данных, позволяющая проверить наличие зависимости между некоторыми действующими факторами и уровнями государственности и социальной стратификации с помощью методов математической статистики⁹⁶. Такое исследование было проведено А. В. Коротаевым и Н. Н. Крадиным⁹⁷. Ими было установлено, что главными предпосылками для появления классов и государства являются переход к развитому земледелию и достижение благодаря этому определенного порога плотности населения. Но при этом важную роль играют дополнительные условия: наличие технологии хранения зерна (например, керамических сосудов), металлургии бронзы, колесных транспортных средств и письменности⁹⁸. Таким образом, перечисленные выше открытия были необходимыми шагами на пути становления первых государств, и в целом появление классов и государства было результатом совокупного действия технологического, географического и демографического фактора.

1.7. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКОТОВОДЫ НА ЮГЕ РОССИИ

Как полагают специалисты, трипольская культура на Юге России даже в период своего расцвета не достигала уровня государственности. В IV тысячелетии до н. э. рост численности населения привел к появлению больших поселений с 10–15 тысячами жителей, получило распространение гончарное ремесло, стали использоваться медные орудия. Однако насельники трипольской культуры не знали письменности и бронзы, а вместо колесных повозок использовали примитивные волокуши⁹⁹.

К востоку от Триполья, в степях за Днепром, обитали охотничьи племена, которые, отчасти смешавшись с колонистами, со временем познакомились с основами земледелия и скотоводства — таким образом, в процессе диффузии и социального синтеза сложилась новая культура полуседлых скотоводов и земледельцев — это были предки современных индоевропейских народов¹⁰⁰. Следы этой культурной диффузии сохранились в отдельных словах некогда общего индоевропейского языка, которые были заимствованы у пришедших с Ближнего Востока земледельцев и потом были унаследованы русским языком. В их числе можно упомянуть *rughio* — рожь; *lino* — лен; *kulo* — колоть, копьё; *sel* — село; *dholo* — долина, *sur* — сыр; *klaui* — ключ; *medu* — мед; *agno* — ягненок; *sekur* — секира; *septm* — семь и так далее¹⁰¹.

Индоевропейские охотники и скотоводы отличались от малорослых и смуглых трипольцев в антропологическом отношении — они были более высокими и имели бледную кожу. Большинство археологов отождествляют индоевропейцев с насельниками среднестоговской культуры Северного Причерноморья. Поселения этой культуры известны тем, что при раскопках здесь были найдены древнейшие псалии — костяные части конской уздечки. Это служит доказательством того, что уже в середине V тысячелетия до н. э. индоевропейцы приручили водившихся в степях диких лошадей, тарпанов и использовали их для езды верхом. Тарпаны были маленькими грацильными лошадами, их рост в холке составлял 120–130 см — в то время как современные лошади имеют рост 150–175 см. Тарпанов разводили так же, как крупный рогатый скот, ради молока и мяса, и они составляли основную часть стада. Но пешие пастухи не могли пасти быстрых лошадей, поэтому им пришлось создать уздечку и освоить искусство наездников. Это было именно искусство, так как простейшая уздечка с мягкими ременными удилами не обеспечивала строгого управления лошастью, а мартингал, седло и стремя появились лишь тысячи лет спустя. В этих условиях верховая езда была доступна только ловким пастухам — и лишь при условии, что лошадь была смиренной и послушной¹⁰².

Индоевропейцы были знакомы с земледелием, но в степях лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой. Однако изобильные пастбища позволяли содержать большие стада скота — так что в хозяйстве местного населения явственно преобладало скотоводство. На одном квадратном километре ковыльно-разнотравной степи можно было прокормить 6–7 коней или быков¹⁰³, а для прокормления одной семьи из 5 человек требовалось стадо примерно в 25 голов крупного скота¹⁰⁴, следовательно, плотность скотоводческого населения в степи могла достигать 1,3 чел./км². Эта цифра

близка к оценке Ратцеля — 0,7–1,9 чел./км²; расчеты О. Г. Большакова для степей Аравии дают 1,6–1,9 чел./км²¹⁰⁵. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5–10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев и в сотни раз меньше, чем у земледельцев, использующих ирригацию. Экологическая ниша скотоводов очень узка, и перенаселение наступает достаточно быстро; уже в конце V тысячелетия до н. э. в степи начались столкновения между индоевропейскими скотоводами и трипольскими земледельцами. Набеги из-за Днепра заставили трипольцев строить крупные укрепленные поселения, но отдельные дружины всадников все же прорывались далеко на Запад, вплоть до Дуная¹⁰⁶.

Во второй половине IV тысячелетия бесконечная война скотоводов и земледельцев осложнилась вмешательством нового фактора. Через Кавказ в причерноморские степи распространилась очередная волна культурной диффузии с Ближнего Востока — волна, связанная с появлением колесных повозок и металлургии бронзы. Посредником в передаче этих изобретений индоевропейцам стала майкопская культура Северного Кавказа: здесь, в долине Кубани, в больших курганах вождей были найдены кинжалы и втульчатые боевые топоры из характерной для Ближнего Востока мышьяковистой бронзы¹⁰⁷. Наиболее древние медные топоры, найденные археологами в Поднепровье, имеют характерные майкопские формы и отлиты по майкопской технологии. Позже, когда форма топоров на Северном Кавказе изменилась вместе с технологией отливки, она была вновь перенята степными кузнецами, научившимися отливать изделия из бронзы, доставляемой с Кавказа. Конечно, бронзовые топоры были дороги и относительно редкими, это было оружие знати — но на Северном Кавказе с помощью бронзового инструмента изготавливали также и сверленные каменные топоры; именно такие боевые топоры стали в дальнейшем массовым оружием степняков¹⁰⁸.

Не менее важно то обстоятельство, что майкопская культура стала посредником в диффузионном распространении технологии изготовления повозок. Повозки того времени, модели которых были найдены в майкопских курганах, — это тяжелые двуосные фургоны на сплошных колесах, в которые с помощью дышла запрягали пару волов — тем же способом, что и в плуг. Управление осуществлялось поводьями, крепившимися к металлическому кольцу, продетому сквозь ноздри животного¹⁰⁹. В III тысячелетии в Двуречье стали запрягать в повозки эквидов, крупных ослов или, может быть, малорослых лошадей-гарпанов. Запряженные эквидами повозки повсемест-

рис. 1.2. Территориальная экспансия индоевропейских племен¹¹². Здесь показана лишь область плотного расселения племен, но не отмечены территории, на которых арии политически господствовали, находясь в меньшинстве.

но использовались в военных целях, на них сражалась местная знать. Изображения на знаменитом «штандарте из Ура» показывают, как боевая повозка таранит строй противника, обращая его в бегство¹¹⁰.

Таким образом, повозка стала *новым оружием* индоевропейцев — оружием, которое в сочетании с отрядами всадников дало им решающее преимущество в войне с земледельцами. Трипольские города, долго сдерживавшие напор степняков, погибли в пламени пожаров, и индоевропейцы устремились к Дунаю и к Эльбе. На обширных пространствах Восточной и Центральной Европы археологи фиксируют гибель многочисленных земледельческих поселений, на месте которых появились курганы победителей — гробницы с моделями повозок, бронзовыми кинжалами, боевыми топорами, останками принесенных в жертву лошадей и людей. Бронза была редкостью, но каменный боевой топор был непременной деталью даже бедных захоронений, топоры клали и в могилы детей — поэтому культуры, созданные завоевателями, археологи часто называют «культурами боевых топоров»¹¹¹.

Завоевание Европы означало распад древнего индоевропейского единства; разошедшиеся в разных направлениях племена завое-

вателей дали начало новым народам — германцам, грекам, италикам. Отдельные племена индоевропейцев проникли в леса, простиравшиеся от границы степей на север до Балтийского моря — это были предки славян и балтов, тогда составлявшие еще единый этнос создателей среднеднепровской, фатьяновской и нескольких более мелких культур. Характерно, что славяне унаследовали от индоевропейской общности тот словарный запас, который описывает оружие победителей: названия четырехколесной повозки, колеса, ярма, дышла, лошади, глагол «запрягать» и т. д.¹¹³. Для балто-славян так же, как для других индоевропейцев, поначалу были характерны воинственные обычаи, но позже в условиях земельного изобилия и отсутствия врагов эти племена перешли к мирной жизни. Обычай класть в могилы боевые топоры постепенно вышел из употребления¹¹⁴.

Между тем, часть индоевропейских племен осталась в степях Причерноморья и Прикаспия; это были индоиранцы, насельники «ямной» культуры. Индоиранцы продолжали освоение новых возможностей, даваемых соединением повозки и конской запряжки — и в конце концов достигли впечатляющего результата: вследствие облегчения повозки была создана легкая одноосная колесница с колесами на спицах. «Учитывая сложность конструкции первых повозок с лошадиной запряжкой... можно видеть в конной колеснице одно из первых изобретений, — отмечает П. М. Кожин, — то есть рассматривать ее как итог целенаправленной технической работы, задачей которой было создание мощного наступательного средства»¹¹⁵. Г. Чайльд отмечал, что удивительное сходство боевых колесниц, фиксируемое на пространстве от Западной Европы до Китая, служит несомненным доказательством общности и однократности происхождения этого изобретения¹¹⁶. Однако *фундаментальное открытие* древних индоиранцев не сводилось к боевой колеснице: чтобы использовать лошадь в колеснице, пришлось преодолеть немало затруднений: коня было не просто научить ходить в упряжке, и потребовалось создание системы тренинга. Более того, большинство степных лошадей были малорослыми, и нужно было провести селекцию, чтобы вывести породу выносливых и сильных коней, способных стремительно мчаться в колеснице¹¹⁷.

Кроме того, необходимо было научиться воевать на колеснице. Боевой опыт вскоре показал, что главным оружием колесничного воина должен быть лук — причем он должен быть небольшим, удобным для использования в колеснице. Для этой роли наиболее подходил сложный лук, склеенный из нескольких слоев дерева и обладавший при меньших размерах большей мощностью. Эффективность стрельбы из лука была значительно увеличена бронзовыми втуль-

чатými наконечниками стрел¹¹⁸. Поскольку колесничные лучники не могли пользоваться шитом, то другим необходимым элементом вооружения стал панцирь. Затем была выработана тактика сражений, состоявшая в том, чтобы, используя скорость и маневренность колесницы, создавать численное превосходство в нужном месте, подвергать противника массированному обстрелу из луков и уклоняться от ближнего боя¹¹⁹.

Археологические открытия недавнего времени показали, что первые свидетельства появления удил и колесниц локализуются в области, простиравшейся от среднего Дона до юго-восточного Приуралья; в древних поселениях этого района найдены костяные пса́лии и захоронения с колесницами, датируемыми по радиоуглероду XXI–XVIII веками до н. э.¹²⁰ В это время в Приуралье существовал ряд крупных укрепленных поселков, где жили ремесленники-металлурги, использовавшие руду богатых медных месторождений. Необходимо отметить, что для постройки колесниц был необходим совершенный бронзовый инструментарий, и бронзовые стамески, вместе со слитками меди и кусками руды, часто находят в захоронениях рядом с колесницами¹²¹.

В конце III тысячелетия до н. э. причерноморская степь была довольно плотно заселена, и нехватка пастбищ постоянно вызывала войны среди местных племен: об этом свидетельствуют воздвигавшиеся в степи оборонительные сооружения¹²². Создание боевой колесницы сделало индоиранцев непобедимыми, и в условиях высокого демографического давления это вызвало волну завоеваний, охватившую обширные регионы Евразии¹²³. Этот процесс археологически фиксируется как беспрецедентно быстрое и масштабное распространение двух близких археологических культур, андроновской и срубной¹²⁴. В ходе этих завоеваний индоиранская общность распалась: большая часть индоариев ушла на юг, в Индию, некоторые племена продвинулись в лесную полосу, покорив часть фатьяновцев и создав абашевскую и поздняяковскую культуры¹²⁵. В середине II тысячелетия до н. э. племена срубной культуры достигли Днепра на западе; на территориях Левобережья, занятых завоевателями, археологи отмечают появление укрепленных городищ и наполненных оружием богатых могил знати¹²⁶. За Днепром продолжали существовать мирные земледельческие поселения насельников последовательно сменявших друг друга тшинецкой, белогрудовской и чернолесской культур. Вплоть до киммерийской эпохи здесь не было укреплений, и в погребения не клали оружия; здесь не знали роскоши и богатых украшений¹²⁷.

1.8. ФОРМИРОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Создание колесницы было лишь одним из первых шагов в освоении тех возможностей, которые давало человеку приручение лошади. Последующие шаги в этом направлении привели к появлению особой цивилизации Великой Степи, кочевого общества.

Решающим толчком, обусловившим переход от оседлого к кочевому скотоводству, было создание усовершенствованного уздечного набора (с мартингалом и оголовьем) в конце II тысячелетия до н. э. После освоения этой фундаментальной инновации наездничество перестало быть искусством немногих джигитов — оно стало доступно всем, и все мужчины сели на коней¹²⁸. Это открыло возможность освоения дальних пастбищ, и жители степей стали кочевать вместе со своими стадами. Кочевание помогло освоить северные степи и горные луга, однако оно потребовало смены образа жизни: «С переходом к кочевому скотоводству резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища бронзового века, жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому»¹²⁹. Женщины и дети ехали в поставленных на колеса кибитках — но были племена, где на коней сели и женщины; Геродот передает, что у савроматов женщины «вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами»¹³⁰. Археологи свидетельствуют, что в могилы женщин — так же, как в могилы мужчин — часто клали уздечку, символ всадника¹³¹.

Возникновение кочевничества сопровождалось появлением кавалерии и вспышкой войн¹³². «В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния... все новые группы населения, — пишет Г. Е. Марков. — Мог развернуться своего рода „цепной процесс“ распространения кочевничества»¹³³. Действительно, после VIII века до н. э. на всем протяжении Великой Степи — от Дуная до Хингана — утверждается единая культура, говорящая о господстве в степи группы родственных кочевых народов. Эти народы — скифы, сарматы, саки — это были древние иранцы¹³⁴.

Кочевничество позволило освоить новые пастбища, но плотность населения в степи оставалась низкой — к примеру, даже в конце XIX века в Тургайской области Казахстана она не превосходила 1,9 чел./км²¹³⁵. При этом имеются сведения, что на протяжении последних двух тысячелетий численность кочевых народов не возрастала. Как отмечает А. М. Хазанов, численность хунну, живших на территории современной Монголии, и количество скота у них почти

полностью совпадает с теми цифрами, которые имеются для монголов начала XX века¹³⁶. Экологическая ниша скотоводов была очень узкой, и голод был постоянным явлением. Китайские хроники пестрят сообщениями о голоде среди кочевников: «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло 6–7 человек, а из каждого десятка скота пало 6–7 голов... Сюнну несколько лет страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали...» «Был голод, вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло...»¹³⁷. Арабские писатели сообщают о частом голоде среди татар; имеются сообщения о том, что в годы голода кочевники ели падаль, продавали в рабство своих детей¹³⁸. Недостаток средств существования породил обычай жертвоприношения стариков у массагетов¹³⁹; у некоторых племен было принято умерщвлять вдов, грудных детей убивали и погребали вместе с умершей матерью¹⁴⁰. Приводимые В. П. Алексеевым данные о степных могильниках II тысячелетия до н. э. (Тасты-Бутак, Хрящевка-Ягодное, Карасук III) говорят о очень высоком уровне детской смертности; средняя продолжительность жизни взрослых составляла 34 года¹⁴¹. В более позднюю эпоху, у средневековых кочевников-авар, средняя продолжительность жизни составляла 38 лет для мужчин и 36 лет для женщин¹⁴².

Образ жизни кочевников определялся не только ограниченностью ресурсов кочевого хозяйства, но и его неустойчивостью. Экологические условия степей были изменчивыми, благоприятные годы сменялись засухами и джутами. В среднеазиатских степях джут случался раз в 7–11 лет; снежный буран или гололед приводили к массовому падежу скота; в иной год гибло больше половины поголовья¹⁴³. Гибель скота означала страшный голод, „климатический стресс“; кочевникам не оставалось ничего иного, как умирать или идти в набег — по замечанию Н. Н. Крадина, корреляция между климатическими стрессами и набегами «прослеживается чуть ли не с математической точностью»¹⁴⁴.

Регулярные климатические стрессы порождали в степи обстановку вечной и всеобщей войны; эта война называлась у казахов «барымтой»¹⁴⁵. «Благосостояние кочевников определялось исключительно силой того или иного казахского рода, — отмечает А. А. Кауфман, — оно поддерживалось хищничеством, барымтой и выпадало на долю родов, военно-разбойничья организация которых была наиболее развитой»¹⁴⁶. Кочевники закалялись в борьбе со стихией и в посто-

янных столкновениях друг с другом. В каждом роду имелся наездник, отличавшийся храбростью и физической силой; постоянно проявляя себя в схватках, он постепенно становился «батыром», «богатырем». Батыры возглавляли роды в сражениях, они были главными героями казахского эпоса¹⁴⁷. «Молодых и крепких уважают, — говорит китайский историк о гуннах, — старых и слабых почитают мало... Сильные едят жирное и лучшее, старики питаются после них... Кто в сражении отрубил голову неприятеля, тот получает в награду кубок вина и все захваченное в добычу»¹⁴⁸. «Счастливыми из них считаются те, кто умирает в бою, — говорит Аммиан Марцеллин об аланах, — а те, кто доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы»¹⁴⁹. Культ войны находил проявление в поклонении мечу, Геродот сообщает о поклонении мечу у скифов, Аммиан Марцеллин — у алан¹⁵⁰.

В бесконечных сражениях выживали лишь самые сильные и смелые — таким образом, кочевники подвергались естественному отбору, закреплявшему такие качества, как физическая сила, выносливость, агрессивность. Древние и средневековые авторы неоднократно отмечали физическое превосходство кочевников над жителями городов и сел. «Кипчаки — народ крепкий, сильный, здоровый», — пишет Ибн Батута¹⁵¹. «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями трав и полусырым мясом всякого скота», — говорит Аммиан Марцеллин о гуннах¹⁵². Ал-Мукаддаси видит в тюрках «самых храбрых врагов, с крепкими телами, самых выносливых при бедствиях, у которых меньше всего жизненных благ и покоя»¹⁵³. Естественный отбор по силе, ловкости, выносливости дополнялся воспитанием воинских качеств, начиная с раннего детства. «Мальчик, как скоро сможет сидеть верхом на баране, стреляет из лука пташек и зверьков и употребляет их в пищу», — говорит Сымы Цянь о воспитании у гуннов¹⁵⁴. У монголов и казахов 12–13-летние юноши вместе со своими отцами ходили в набеги¹⁵⁵.

Кочевники жили сплоченными родами, насчитывавшими десятки и сотни членов¹⁵⁶. Из-за нехватки пастбищ большие группы людей не могли кочевать вместе, поэтому после перекочевки на летние или зимние пастбища род обычно разделялся на группы родственных семей (казахские «аулы») ¹⁵⁷. Аул состоял из 3–7 близкородственных семей, иногда это была семья отца и семьи женатых сыновей¹⁵⁸. В состав аула могли входить и рабы, но их было мало и они, как правило, не пасли скот, а использовались для домашних работ. Для пастьбы скота не требовалось много людей, один конный пастух мог спра-

виться со стадом в 500 овец — но требовалось знание дела и настоящая забота о скоте, чего трудно было ожидать от рабов. Кроме того, раб-пастух мог легко найти удобный случай для бегства; поэтому кочевники не держали большого числа рабов; захваченных в набегах пленников старались продать торговцам, прибывавшим из земледельческих стран¹⁵⁹.

Пастбища обычно принадлежали всему роду или племени, и на них мог пасти свой скот любой соплеменник, первым занявший это место после перекочевки. Скот находился в частной собственности семей, и были семьи, значительно различавшиеся богатством¹⁶⁰. Однако богатство среди кочевников было относительным: засуха, болезни скота, набеги врагов могли быстро разорить богача — и точно так же бедняк мог приобрести богатство в удачном набеге¹⁶¹. «Скот на самом деле принадлежит любому бурану и сильному врагу», — говорит казахская пословица¹⁶².

Смелый батыр, захвативший много добычи, становился обычно главой рода и богачом, в случае необходимости он мог приказывать своим сородичам — но на нем же лежала забота о благополучии всех членов рода. «Богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых необходимым скотом... — отмечает А. Харузин. — За ссуду никакого вознаграждения не берется, а для взявшего существует только обязанность возвратить скот в целости»¹⁶³. Подобный обычай существовал у многих степных народов, у арабов он назывался «ваджа», у казахов — «саун»¹⁶⁴. «Эксплуатация простых полноправных кочевников у номадов вряд ли достигала сколько-нибудь развитых форм», — отмечает Н. Н. Крадин¹⁶⁵.

В условиях постоянной войны в степях необходимыми условиями выживания были единство рода и родовая взаимопомощь, родовой коллективизм. «Удалой джигит рождается для себя, а умирает за род, — говорит казахская пословица. — Чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем»¹⁶⁶. Отношения взаимопомощи нашли отражение и в законах кочевых государств. По законам ойратов неоказание помощи нуждающемуся в ней приравнялось к убийству¹⁶⁷.

Родовыми вождями обычно становились воины, проявившие себя в сражениях. «Кто храбр, силен и способен разбирать сложные дела, тех поставляют старейшинами, — говорит Фань Е о племени ухуань. — Наследственной власти у них нет»¹⁶⁸. У большинства кочевых племен в мирное время власть старейшин была невелика, и важные вопросы решались собранием родовичей¹⁶⁹. Лишь 3 из 27 описанных в базе данных Дж. Мердока кочевых обществ имели устойчивое де-

ление на страты¹⁷⁰. Родовой коллективизм находил свое проявление в обычаях военной демократии и в выдвижении по заслугам.

Таким образом, в конечном счете формирование общества кочевников определялось теми же тремя факторами, что и формирование общества земледельцев: географический фактор предопределял скотоводческие занятия обитателей степей, технологический фактор (создание усовершенствованного уздечного набора) обусловил развитие всадничества и кочевание, а демографический фактор в сочетании с высокой мобильностью способствовал появлению обычаев военной демократии.

Политическая карта Великой Степи являла собой пестрый конгломерат враждующих родов и племен. Как отмечалось выше, государство появляется в земледельческих обществах при достижении достаточно высокой плотности населения. Плотность населения у кочевников была в десятки раз ниже, чем у земледельцев. Н. Н. Крадин отмечает, что государственность для кочевников не была внутренне необходима, что большинство кочевых обществ никогда не достигали уровня государственности¹⁷¹. Но все же бывали случаи, когда победоносный хан объединял несколько племен и создавал кочевое государство. Как заключают многие историки, объединение кочевников обычно было ответом на создание по соседству мощного централизованного земледельческого государства¹⁷². С одной стороны, такое объединение становится необходимым для противостояния мощному противнику, с другой стороны — это была реакция подражания соседней державе. Последнее обстоятельство подчеркивается еще и тем, что управленческая структура кочевников обычно создавалась по образцу соседних земледельческих государств; так, создатель империи гуннов шаньюй Модэ заимствовал административные традиции империи Цинь¹⁷³, а Чингисхан перенял военную организацию у Цзинь и Ляо¹⁷⁴. Таким образом, мы можем говорить о диффузии государственных принципов земледельцев в кочевые общества.

Объединение кочевых племен в единое государство приводило к прекращению межплеменных войн, но не снижало демографического давления в степи. Если раньше в годы «климатического стресса» кочевники шли в набег на соседнее племя, и численность населения снижалась за счет военных потерь, то теперь единственным способом спасения от голода было объединение сил степи и нашествие на земледельческие страны. Таким образом, объединение кочевников неизбежно порождало волну нашествий¹⁷⁵.

Исход нашествия на земледельческие страны зависел от нескольких факторов. На стороне кочевников были отвага, выносли-

вость, искусство наездников и стрелков из лука, солидарность в бою и очень часто — сознание того, что отступать некуда, что либо победа, либо голодная смерть. На стороне земледельцев было превосходство в численности и часто — превосходство в организации. Эти факторы обычно компенсировали друг друга, и исход сражений зависел от главного фактора — от вооружения. Если кочевники не имели превосходства в вооружении и не могли получать ресурсы грабежом земледельческих стран, то их государства не выдерживали «климатических стрессов» и быстро распадались. Однако, сражаясь между собой, степняки постоянно совершенствовали вооружение и тактику кавалерии — и иногда оказывались обладателями нового, обеспечивающего победу оружия. Появление нового оружия нарушало военное равновесие между кочевниками и земледельцами — и на земледельческие цивилизации обрушивалась волна нашествий непобедимых и жестоких завоевателей.

Завоевание приводило к созданию сословных обществ, в которых основная масса населения, потомки побежденных земледельцев, эксплуатировалась потомками завоевателей. Далее нам необходимо рассмотреть механизм создания и дальнейшей эволюции таких обществ.

1.9. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ

В литературе нет общепринятого термина для обозначения сословных обществ, которые создают кочевники при завоевании земледельческих областей; их называют политарными, данническими, феодальными и т. д. Мы будем пользоваться терминологией Н. Н. Крадина, который называет такие государства «ксенократическими» или «завоевательными»¹⁷⁶. Поскольку в эпоху до создания артиллерии нашествия кочевников происходили регулярно с интервалами в одно — два — три столетия, то большинство обществ того времени были ксенократическими. Схему развития таких обществ нарисовал великий арабский философ и историк Ибн Халдун, своими глазами наблюдавший их жизнь и обобщивший в своих сочинениях обширный материал со всего мусульманского мира¹⁷⁷.

Ибн Халдун начинает с описания *асабии* — родового или племенного объединения кочевников-бедуинов, основанного на началах солидарности, коллективизма и братства (слово «асабия» используют также в значении «родовая солидарность»). Асабия возглавляется шейхами, «выдающимися людьми» на основе «того почтения и уважения, которое все испытывают к ним»¹⁷⁸. Скитаясь в степях

и пустынях, бедуины привыкли довольствоваться самым необходимым, они постоянно подвергаются опасностям, «поэтому мужество стало для них свойством характера, а смелость — природным качеством»¹⁷⁹. «Так как кочевая жизнь является причиной смелости, то необходимым образом дикое племя боеспособнее, чем другое», — пишет Ибн Халдун¹⁸⁰. Обладая военным превосходством, кочевники захватывают обширные земельные области, подчиняют местное население и заставляют его платить дань. *Асабия* становится привилегированным военным сословием в ксенократическом государстве — однако затем начинается ее медленное распадение. Шейх *асабии* становится государем и постепенно отдаляется от своих соратников; он приближает к себе низкопоклонствующих перед ним «чужаков» (то есть местных чиновников), перенимает местные обычаи и начинает править самодержавно¹⁸¹. Отмеченный Ибн Халдуном конфликт между царями и знатью является типичным для новых обществ, которые создают завоеватели в покоренных ими странах Востока. Вторгаясь в страны древней цивилизации, завоеватели варвары, пытаются наладить эксплуатацию покоренного населения и восстановить существовавшую ранее налоговую систему и систему управления. Для многих восточных обществ самодержавие является частью системы управления, и оно тоже перенимается вождями варваров — этот процесс можно рассматривать как проявление следующего за завоеванием *социального синтеза*. В соответствии с традициями Востока права верховной собственности принадлежат царю, и стремление царей присвоить себе все плоды завоеваний вызывает протест родовой знати, которая выступает против ограничения ее права грабить побежденных и, во всяком случае, требует выделения своей доли земли и богатств. Знать не желает признавать заимствованное у побежденных самодержавие, она устраивает заговоры и убивает или свергает царей, а цари «подавляют мятежные стремления своих сотоварищей и все богатства присваивают себе»¹⁸². Знать отстаивает старые традиции кочевников — поэтому мы будем называть ее мятежи и заговоры *традиционалистской реакцией*. С другой стороны, некогда мужественные бедуины привыкают к «обычаям роскошной, удобной жизни, уменьшается их смелость в той же степени, что и их дикость, и бедуинский образ жизни»¹⁸³. Стремление к роскоши вызывает рост налогов, которые оказываются непосильными для крестьян — начинаются восстания. К этому времени *асабия* уже разложилась и утратила свое единство — в погоне за богатством бедуины забыли о коллективизме и об обычаях взаимопомощи, они привыкли к безбедной жизни и превратились в изнеженных город-

ских жителей. Государство разрушается, его обороноспособность падает, и его история заканчивается вторжением новой бедуинской *асабии*¹⁸⁴.

Необходимо обратить внимание на еще один аспект эволюции завоевательной империи. Дело в том, что, как отмечалось выше, сама по себе государственность не типична для кочевников, которые обычно живут по законам военной демократии. Поэтому *традиционалистская реакция* — если она побеждает — *приводит к распаду ксенократической империи на мелкие государства потомков завоевателей, подобно тому, как в степи племенные союзы распадаются на враждующие племена*. Кроме того, для кочевников характерно выделение многочисленным наследникам *правителя фактически самостоятельных уделов* («улусов»), что также подрывает государственное единство. Таким образом, сохранение кочевых традиций является еще одним фактором, обуславливающим нестабильность созданных путем завоевания империй¹⁸⁵.

Характерно, что идеи Ибн Халдуна прямо используются в диффузионистской теории У.Мак-Нила. «Сам образ жизни пастухов вырабатывал военные (или, по крайней мере, полувойенные) навыки... — писал У.Мак-Нил. — Завоеватели, пришедшие... из областей на границе цивилизованного мира, действительно могли установить деспотическую центральную власть, однако через несколько поколений завоеватели вполне могли сменить свои военные обычаи на более свободный и изнеженный образ жизни, существовавший в городах. В свою очередь, ослабление воинской дисциплины и упадок боевого духа создавали предпосылки для восстаний в самой империи или прихода новых завоевателей из пограничных областей... В ранней фазе завоевательных походов, когда одерживались блестящие победы и завоевывались аграрные регионы, члены полуварварских отрядов беспрекословно подчинялись власти вождя. Но предводители победоносных варварских отрядов (или их наследники) пытались избежать ограничений собственной власти, выработанной на основе обычая, путем привлечения принципов абсолютизма и бюрократического управления, выработанных в цивилизованных обществах. Вследствие этого противоречия между монархами и аристократами было обычным делом. И когда по вышеупомянутой причине в варварских военных отрядах падала дисциплина, открывался путь для новых завоевателей»¹⁸⁶.

Таким образом, теория Ибн Халдуна фактически включается в современную теорию диффузионизма для объяснения тех волн завоеваний, которые сопровождаются покорением цивилизованных областей народами варварской периферии.

По Ибн Халдуна, развитие государства от его рождения до гибели охватывает время жизни трех поколений – приблизительно 120 лет. А. А. Игнатенко, проанализировав имеющиеся данные о продолжительности и о характере правления мусульманских династий, нашел, что обрисованная Ибн Халдуном картина близка к реальности¹⁸⁷. В. В. Бартольд и видный французский исследователь М. Бувье-Ажам считали Ибн Халдуна основателем социологии; такого рода высказывания можно найти и у других специалистов¹⁸⁸. Концепция Ибн Халдуна оказала значительное влияние на автора известной «теории насилия» Л. Гумпловича – именно отсюда ведет свое начало идея о появлении государства в результате завоевания¹⁸⁹. А. Тойнби включил концепцию Ибн Халдуна в свою теорию Вызова-и-Ответа¹⁹⁰.

В последнее время теория Ибн Халдуна активно используется в работах П. Турчина, который, в частности, установил ее сходство с некоторыми современными концепциями, с теорией социальной сплоченности Дюркгейма, с теорией «социального капитала», социально-психологическими теориями «индивидуализма-коллективизма». П. Турчин развивает теорию «метаэтнического фронта», показывая, что общества с высокой асабией формируются на границе земледельческих империй с варварской периферией в условиях жестоких войн и интенсивного естественного отбора. Затем, когда асабия империи ослабевает, они вторгаются через границу и создают свои «варварские королевства»¹⁹¹.

Возвращаясь к демографическому аспекту развития «ксенократического» общества, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что цикл, описываемый Ибн Халдуном, является *демографическим циклом*. Действительно, вторжение кочевников обычно несет с собой демографическую катастрофу, затем начинается период восстановления, а потом приходит Сжатие с его необратимыми следствиями – разорением крестьян и ростом крупного землевладения. Как обычно, Сжатие сопровождается ростом ренты и финансовым кризисом государства, фракционированием элиты и борьбой за ресурсы между элитой и монархией. Но, *в отличие от общей демографически-структурной схемы, теория Ибн Халдуна описывает новые конкретные процессы, характерные для Сжатия в ксенократических обществах*. Это – процессы разложения асабии и роста индивидуалистических настроений в элите. Они приводят к «приватизации» тех «икта» и «феодов», которыми знать и воины владели на условиях службы, к разложению государственных структур, к узурпации государственными служащими своих властных полномочий, к превращению государственных постов в средство получения неконтролируемых дохо-

дов, к *феодализации* государства. Феодализация сопровождается ростом поборов с населения и перераспределением ресурсов в пользу элиты. Процессы феодализации часто смыкаются с *традиционалистской реакцией*, когда наступление против монархии ведется под лозунгом восстановления традиций завоевателей и их «исконного права» эксплуатировать побежденных. В результате перераспределения ресурсов часто возникает *системный кризис*, который в условиях Сжати быстро перерастает в экосоциальный кризис. Начинаются восстания, которые вместе с ослаблением элиты быстро приводят к гибели государства.

Таким образом, теория Ибн Халдуна — так же, как демографически-структурная теория — описывает демографический цикл, причем делает акцент на отношениях внутри структуры «государство — элита — народ». Это специфический цикл, протекающий в земледельческих государствах, завоеванных кочевниками, то есть цикл ксенократического общества — П. Турчин и А. В. Коротаев называют такие циклы «ибн-халдуновскими». А. В. Коротаев подробно рассмотрел специфику ибн-халдуновских циклов на примере истории Египта и показал, что они отличаются от обычных, в частности, меньшей продолжительностью¹⁹².

В некоторых случаях восстания и гражданские войны порождают этатистскую монархию, в других случаях кризис провоцирует новое вторжение степняков. Демографическое давление в степи остается высоким всегда, и стоящие у границ кочевники только и ждут момента, когда государство ослабеет, и внутренние смуты откроют его границы для вторжений. Это обстоятельство объясняет наличие в истории земледельческих стран большого количества *прерванных циклов* — едва ли не половина всех демографических циклов на Востоке была прервана нашествиями варваров¹⁹³.

Волею судьбы Русская равнина соседствовала с Великой Степью — и пограничные лесостепные области раз за разом становились объектом вторжений кочевых орд. Эти вторжения сопровождались демографическими катастрофами и гибелью большей части населения. Завоевание приводило к созданию сословных обществ, в которых основная масса населения, потомки побежденных земледельцев, эксплуатировалась потомками завоевателей. Такой была судьба всех стран, расположенных по-соседству с Великой Степью: к примеру, Иран был шесть раз завоеван кочевниками, а Китай — семь.

Другой особенностью географического положения России было ее соседство с «Северной Пустыней», Скандинавией. Неблагоприятные климатические и почвенные условия Скандинавии до крайно-

сти затрудняли земледельческое освоение этого региона, и вплоть до средних веков здесь преобладало пастушеское хозяйство. Северные скотоводы были оседлыми и почти не использовали лошадей, но узость экологической ниши и постоянный голод формировали здесь общество с той же моделью поведения, что и в Великой Степи. Это было общество перманентно враждовавших между собой родов и племен; общество с высокой асабией и жестокими военными обычаями¹⁹⁴. Как из Великой Степи, из «Северной Пустыни» время от времени исходили войны нашествий: объединившись в племенной союз, воинственные роды пытались вывести демографическое давление вовне. В I в. до н. э. из «Северной Пустыни» вышли племена кимвров и тевтонов, три столетия спустя на Европу обрушилось нашествие готов, а затем настало время викингов. Таким образом, страна обитателей лесов, славян находилась между двумя областями высокого демографического давления, где господствовали воинственные пастушеские народы. Это географическое положение в большой степени определяло судьбу Русской равнины, и первые циклы ее истории начинались с завоеваний и с создания ксенократических государств.

Наконец, была еще одна драматическая особенность географического положения страны славян. К югу от славянских лесов, за страной кочевников в причерноморских степях, располагалась область древних цивилизаций, Греция и Ближний Восток. Это соседство, согласно теории И. Валлерстайна, обуславливало включение страны славян в мир-экономику Средиземноморья. Многие торговые колонии цивилизованных стран находились на берегах Черного моря, и приезжавшие туда купцы предлагали кочевникам всю роскошь цивилизации – в обмен на нужные им товары. Одним из этих товаров были рабы. Государи цивилизованных стран не позволяли обращать их подданных в рабство, поэтому знать Средиземноморья и Прикаспия предъявляла огромный спрос на рабов. В таких условиях завоеватели-кочевники становились нанятыми купцами охотниками заолоном. Обладая военным превосходством над жителями лесов, они совершали набеги на страну славян и приводили толпы пленных к работорговым портам.

Борьба земледельцев с пастушескими народами была лейтмотивом истории восточных славян; ход этой борьбы был связан с развитием военной технологии – и в дальнейшем нам предстоит более подробно проанализировать динамику этих процессов.